Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Паутина #02. Об экзотических пищевых приправах

— Вот, стало быть, как выглядит в быту Таинственный и Ужасный Гвестарио, — повторила, теперь уже вслух, собеседница. Она восседала напротив него за круглым крохотным столиком небольшого кафе у вокзала, глаза её искрились. Максим под её изучающим взглядом начинал понемногу ощущать, как у него встаёт комок в горле. Он никак не ожидал, что теория вероятности подсунет ему такую свинью, изначально разместив его и Лекки в одном городе. — Какой погасший взор, какое поникшее лицо, — тихо рассмеялась девушка. — И это — извращенец-маньяк, писавший бедняжке Лекки, как видит мысленно её руку меж ножек? С задумчивым видом она коснулась губами соломинки в своём бокале. — Скажи, — произнесла несколькими секундами позже она, — а ты часто фантазируешь о своих интернет-подружках? Не только обо мне, а вообще? Та же Жизель, например, — в глазах Лекки на миг мелькнуло что-то озорное, — перед которой ты так испугался компрометироваться, что сразу прислал фотографию паспорта. У тебя были какие-нибудь фантазии в её адрес? Максим опустил взгляд. Фотоальбом Жиз не раз будил в нём грёзы определённого толка, но ему не особо хотелось с кем-то ими делиться. — Н-ну, были, — глухо признался он. Не вполне понимая, к чему она допрашивает его о том. Не может же быть, чтобы это её возбуждало? Лекки улыбнулась. Странной улыбкой — насмешливой, торжествующей и словно бы снисходительной в то же самое время. — А какие? — приоткрыв губы, она пробежалась язычком меж губ. — Какою ты представлял себе Жизель в своих грёзах? Или — что мечтал с нею сделать в них? Нога её под столом коснулась Максимова колена, парень почувствовал, как ком в его горле становится всё плотнее, меж тем как иное уплотнение нарастает в его брюках. — Я… — Выдумать что-нибудь? Зачем? Чёрт, как трудно сейчас шевелятся мысли. — Хм… мы переписывались когда-то. На нейтральные, почти научные темы. — И? — сладко протянула собеседница. Губы её вновь коснулись соломинки в бокале, на этот раз отчётливо нарочито. Он понизил голос. Хотя, кроме них двоих, в кафе всё равно почти никого не было? — Иногда я… представлял себе, что, если она… ну, как я? Ну, если она… ф-фантазирует, перечитывая потом эти письма… л-лаская себя? Максим сбился и замолчал, тяжело дыша, покрытый краской. От откровений этих он чувствовал себя предателем, чувствовал шевеление чего-то мерзкого в себе, но одновременно ощущал, как брюки его вздуваются шатром изнутри. — Тебе нравилось представлять себе это, — почти мурлыкающим тоном подсказала Лекки. — Представлять себе интеллигентную барышню Жизель с аристократическим ником, которая даже в блоге пишет лишь на геологические и искусствоведческие темы, с рукою в трусиках и румянцем бесстыжего возбуждения на щеках. Ведь так? Не будучи в силах ответить что-либо, он кивнул. — Скажи это, — почти шепнула она. Глаза её смеялись. — Скажи: «Мне нравилось… представлять одухотворённую барышню Жизель… с рукою в трусиках и румянцем на щеках после переписки». Я хочу услышать, как ты скажешь это. Колено её под крохотным столиком скользнуло вглубь меж коленей Максима, въезжая внутрь, почти упираясь в промежность. Взгляд же её стал тем временем остр донельзя. Того и гляди напомнит о компрометирующем фото в своих дальних архивах? — Я… — Он сглотнул слюну, слыша, как оглушительно колотится его сердце. — Мне… нравилось… представлять одухотворённую бар-рышню Жизель с… рукою в трусиках… Колено меж его ног начало медленно, но ритмично двигаться. — Продолжай, — выдохнула

собеседница. — Мне... — Максим закусил было губу, но тут же отпустил её, — нравилось представлять, как она... краснеет после переписки от приходящих мыслей. Как она... Жиз... начинает ласкать себя, сначала сдержанно, потом всё бесстыдней. Лекки улыбалась, рассматривая его из-под полуопущенных ресниц. Под её взглядом Максим ощутил, что его начинает нести, что в нём помимо воли растёт желание подбирать солоновато-сальные обороты. — А, — замялась она на мгновение, сделав театральную паузу, — как насчёт других девушек в твоём блоггерском списке? Та же Айна-Айнара, юная фифочка-поэтесса модельной внешности, она же, — нагое колено под столиком резко вильнуло, — нравится тебе? — Мммм, — Макс сжал на несколько мгновений зубы, тяжело дыша. — Да. В действительности колено Лекки едва касалось его промежности, большую часть времени лишь скользя рядом, потираясь о брюки. Психологический эффект, тем не менее, был безумен. — Скажи, какие фантазии у тебя были о ней. — Губы собеседницы вновь искривились в неумолимой улыбке, в глазах её блеснула знакомая искра. — В подробностях, не спеша. — Я... рассматривал её фотографии, скопированные в свою галерею, одну за другой. — Слова слетали с его уст словно бы сами собой, он уже не пытался остановить их, как будто понимая краем рассудка, что стоит ему остановиться и призадуматься — и он с ужасом осознает, что ему нравится его нынешнее положение. — Особенно мой взгляд притягивали... стройные ножки Айны. Глядя на снимки туристического характера, сделанные ею во время путешествий по городу, я представлял себе, как её охватывает эксгибиционистская страсть, как она начинает прямо на улице фантазировать о прилюдном разоблачении. Голос Максима стих, став глуше и словно бы чуть шершавей. Приобретя интонации, неведомые прежде ему самому? — На самом деле это было моей фантазией... иной фантазией, навеянной иными снимками... о том, как Айна выскальзывает среди ночи из дома, бредёт одиноко по городу меж тускло мерцающих фонарей, после чего проникает тенью в заброшенный городской парк. Там, вдали от посторонних глаз и даже от фонарного света, освещённая лишь сиянием несвежего месяца, Айна воображает себя королевой ночного бала, стоящей пред миллионами незримых духов, купающейся в их благоговейных взглядах. Руки её скользят по её старомодно-длинному платью, она ласкает себя сквозь одежду, в ум её вторгается мысль о том, что было бы, увидь её сейчас её знакомые, знающие её лишь в качестве строго воспитанной поэтессы... увидь они сейчас её посреди парка, её руки, проникшие зачем-то глубоко в карманы платья и быстро движущиеся там... с уст Айнары срывается стон. Она сбрасывает с себя одежду, оставшись нагая наедине с Ночью, хрупкая и беззащитная в бледном свете луны... Он смолк, чтобы перевести дух. Ему казалось, что нет уже ни кафе, ни города вокруг, — лишь круглый столик, продолжающее поддразнивать его колено под оным и прищуренно-насмешливые глаза напротив. — Я представлял, как в уме Айнары проносится эта фантазия — фантазия или воспоминание о сделанном? — во время туристической прогулки по городу. Как она, кормившая только что голубя, невольно сжимает коленки, ощущая, как влажно стало меж них изнутри. Чувствуя, что готова сорваться, что находится на краю, она прерывает кормление птиц и присаживается поспешно на бордюрчик тротуара. Придав себе задумчивый вид, сдвинув ножки в джинсовых брюках так, чтобы промеж них толком ничего не было видно, она зажмуривает глаза и тянется томительно медленно рукою к молнии джинсов... Личико её обжигает огнём — ей, как и в той фантазии, является на ум мысль, что будет, если кто-нибудь из проходящих по городу знакомых увидит её за этим, поймёт суть её позы? — и пальчики, ещё лишь только коснувшиеся несмело язычка молнии, яростным

рывком сдвигают его, проскальзывая под материю брючек… Лекки улыбалась, искоса созерцая его поверх бокала с коктейлем. Вдруг разозлившись — что она делает с ним? — Максим залпом опустошил наполовину собственный бокал. — Ты довольна? — раздражённо спросил он. Чтобы заглушить смущение, а отчасти, быть может, и остатки всё ещё бьющего его возбуждения. — Почти. — Улыбка на губах Лекки стала чуть ярче, чуть демонстративней. — Ты не рассказал ещё о своих фантазиях в адрес Бастильды, например. Или Розен. — Тут не о чём говорить, — обрубил он. Рассказывать, естественно, было о чём. По правде говоря, его пугала осведомлённость собеседницы — складывалось впечатление, что она часами просматривала женскую половину его френдленты, сканируя на предмет фотоальбомов и привлекательной внешности. — Ой ли? — Лекки приоткрыла губы, меж них вновь мелькнул язычок. — К новогодним фотографиям Розен, изображающим её в горах, ты отпустил некогда на удивление сдержанный комментарий. Что на самом деле ты думал тогда, рассматривая эти фото? — Ничего особенного, — он старался говорить грубо, давя неловкость. Ему всё ещё стыдно было за недавний конфуз, когда его повело в невероятно пространные описания. — Красивая рыженькая девушка, в сиреневой маечке. Вот бы, думаю, поучаствовать с ней в подобном походе в горы и подглядеть как-нибудь за её переодеванием. — И всё? — Голос Лекки стал на пару микрокалорий слаще, а колено её вновь приступило к едва заметным, но будоражащим движениям. Максим опять вспыхнул, провалившись помимо воли чересчур глубоко в грёзы. — Ну… не совсем. — Неужели ему самому нравится под диктовку вспоминать это? — Мне… представилось, что было бы, поймай меня Розен за этим в самом начале. Удивлённый взгляд и наивно распахнутые глаза — как на одном из тех фото. «Как, ты хотел увидеть меня без одежды? Почему же ты не сказал мне об этом? Ведь мы же друзья». — И она… раздевается? — Голос Лекки упал до еле слышного шелеста. — Не сразу. — Максим ощутил, как у него вновь начинает пересыхать в горле. — Я ещё пытаюсь играть в паладина, остановить её — «Эй, что ты делаешь? У тебя же есть спутник жизни, ты же писала в блоге?» — а она невинно так взмахивает ресницами: «Ну и что, Макс, это же чисто по-дружески. Мы же ведь не имеем в виду ничего такого?» Лекки тихо рассмеялась прямо в бокал с недопитым коктейлем. — А потом? Максим искривил губы, как если бы новая проглоченная порция коктейля состояла из лимонного сока. Дальнейшее содержание его грёз представляло собой такой бред с позиций психологического правдоподобия, что даже под давлением шантажа ему было не слишком удобно это рассказывать. — Я саркастически говорю что-то в том плане, что, дескать, по пути таких неоднозначно-дружеских действий можно далековато зайти, вплоть до… засовывания её руки мне в брюки, к примеру. Она ещё шире распахивает ресницы — «Макс, а что, ты бы правда хотел, чтобы я запустила ладонь тебе в брюки? Чисто по-дружески?» — и возлагает руку демонстративно на огромный камень неподалёку, слегка поглаживая его. Глаза её так и светятся изнутри… — И ты не мог устоять, — качнула головой Лекки. Пальцы её лелеяли меж тем хрустальную ножку бокала. — Не мог, — еле слыша себя, выдохнул он. — И ты представлял себе, как Розен скользит рукою у тебя в брюках, сжимая пальчиками твой член. Тебе хотелось этого. — Хотелось, — эхом откликнулся он. — Скажи это… Глаза Лекки сияли сейчас ничуть не меньше глаз Розен из этой фантазии. Огонь этот магнетизировал, подчиняя волю Максима своей. Он повторил это, почти не сбившись, чувствуя себя чем-то средним между магнитофоном и заводной секс-игрушкой в режиме непрекращающихся фрикций. — Бастильда, — шепнула собеседница тише шелеста. — Тебе хотелось её? Какие фантазии у тебя будил её фотоальбом… если будил, конечно? — Я… не

помню. — Голос Максима тоже упал до шёпота. — Разве что несколько фотографий парково-лесного характера... Тот кадр, где она загорает в зеркальных очках на разостланном в лесу покрывале... Наступила пауза. Лекки молчала, интуитивно чувствуя, что собеседник уже настроен на нужную частоту и не нуждается больше в подстёгиваниях. Молчал и Максим, пытаясь оживить в памяти фантазии о цинично-насмешливой и брутальной черноволосой мотоциклистке из Питера. — Я... разместил несколько её снимков у себя в галерее, чтобы просматривать в определённом порядке, соответственно сюжету фантазии, — неожиданно признался парень. — Я... часто так делаю. Он сглотнул слюну. — Снимок, где Бастильда лежит в зеркальных очках с эйфорическим видом. Снимок, где её подружка, насмешливо улыбаясь, выходит из глубин леса. Снимок, где она тянется к Бастильде с намерением то ли разбудить, то ли потормошить... Максим вновь замолчал, ощущая, что его слегка колотит. — Последний снимок изображал их вдвоём в лесу, кидающихся шишками друг в друга. — Тебе... думалось, что меж ними может нечто произойти? — вкрадчиво предположила собеседница, облизнув губы. Он почти перестал дышать. — Думалось. — Кажется, ему всё же удалось заглотить немного воздуха. — Эти зеркальные очки, напоминающие виртуальный шлем из киберпанковской фантастики... в общем, мне представилось, что действие происходит в недалёком будущем, а с помощью шлемов этих просматривают специальные клипы, действующие напрямую на мозг через все области чувств. Бастильда из любопытства подобрала виртуальный шлем ушедшей погулять подружки, стала просматривать первый попавшийся на глаза клип, тот же оказался чувственно-эротичным. Утратив почти целиком контроль над собой, тяжело задышав под действием разливающихся по телу ощущений, Бастильда выгибается сладко на разостланном покрывале. Тем временем из лесу выходит её подружка с коварной улыбкой на устах, она... заранее всё спланировала, оставив рядом с Бастильдой включенный кибершлем. Она наклоняется над своей спутницей, касается её груди... проскальзывает рукой по внутренней стороне её левого нагого бедра... — Тебе хотелось бы увидеть это, — негромко шепнула собеседница. — Увидеть, как подружка Бастильды залезает рукой ей в трусики. Глаза её уже не просто сияли — они горели. — Х-хотелось, — вымученно признал он. Бёдра его невольно дрогнули, словно забыв, что меж ними колено Лекки. — Скажи это, — последовал традиционный приказ. Он сказал. Сказал, чувствуя сухость в горле, уже начиная догадываться понемногу, чего ради Лекки необходимы столь сакраментальные излияния. Разве это не было очевидным, впрочем, с самого начала? Та вполголоса хихикнула. — Тебя ведь возбуждает это, правда? Вспоминать свои грёзы о Айне, Бастильде, Розен... вспоминать их вслух? Я вижу, что ты едва держишь себя в руках. Улыбнувшись, Лекки погладила ножку хрустального бокала. Движение это было столь медленным и столь характерным, что бёдра парня заново дёрнулись. — Почему бы тебе не совершить это? Прямо тут и сейчас, прямо за этим столиком, — меж губ её вновь на миг блеснул язычок, а пальчики пощекотали дно бокала, — не взять себя в руки? К щекам Максима снова прилила кровь. — Ты... что? По возможности незаметным взглядом он окинул округу. Людей в кафе по-прежнему практически не было — что, несомненно, и было одной из причин, позволивших Максиму столь вольготно вести своё повествование, — и лишь за одним из столиком поодаль сидела курчавая девушка, с неловким видом вкушавшая по кусочку лазанью. — Стесняешься? — верно угадала причины его колебаний Лекки. Глаза её всё ещё продолжали посмеиваться. — Ну да, конечно, гротескный гроссмейстер Гвестарио вдруг опускает руку под столик кафе прямо при всех вокруг и начинает... поддрачивать? Голос её на

последнем слове вкрадчиво упал, словно извиняясь за скабрёзность. — Что сказали бы его френды, увидев это? — мечтательно-приглушённо проговорила Лекки; глаза её были полуприкрыты. — Впрочем... они ведь могут увидеть и кое-что другое, что впечатлит их не меньше, а может, и больше. Особенно — некоторых наивных френдесс? Рука Лекки над столиком вытянулась вперёд; прежде чем Максим успел осознать что-либо, пальцы её развернули салфеточный конус в центре столика, конус, на который он прежде не обращал особого внимания, считая его никчёмным украшением стола. За белизною салфеток обнаружилась поблескивающая поверхность айфона. — Ну-ка, — молвила Лекки рассеянно, дотронувшись несколько раз до чувствительного экрана, — что мы успели тут записать? Прищурившись и нахмурившись несколько раз, она коснулась ещё пару раз стекла своими наманикюренными пальчиками. И, вдруг просияв, развернула айфон к Максиму. Экран изображал знакомое ему с детства лицо, снятое в просвет меж салфеток. — Мне... — прозвучало глухо в крохотных динамиках устройства, — нравилось... представлять одухотворённую бар-рышню Жизель с... рукою в трусиках... Кровь обожгла Максиму лицо, в ушах его зашумело, а взгляд вновь заметался панически по всему заведению. Хотя громкость записи вроде бы была не выше естественной? — Вот бы показать эту вырезку Жиз, — вполголоса предположила Лекки. Айфон она отстранила — за миг до того, как Максиму могла бы прийти в голову мысль отобрать его. — Как наша девочка-геолог будет польщена?.. — Н-не надо, — глухо проговорил он. Вцепившись пальцами в край стола, как если бы это могло защитить его от провала в неведомую бездну. Почему-то ему вспомнился один из давних рассказов Жизели о её детстве, проведённом на даче, о её встрече с кабаном. Почему память всегда работает так странно в такие моменты? — Ну, не надо, так не надо, — рассмеялась Лекки, демонстративно поигрывая айфоном. — Хотя откуда ты знаешь, — сверкнули её глаза озорством, — вдруг ей и вправду понравилось бы просматривать это? Тебе же нравилось представлять Жиз именно такой... скрывающей червоточи нку внутри себя? Не отводя взгляда от глаз Максима, она понизила голос. Колено её вновь возобновило дразняще-размеренные движенья. — Что, если она и впрямь каждый вечер, — шепнула Лекки, — после переписки, перечитывая последнее твоё письмо, запускает в трусики ладонь? Что, если она, — губы собеседницы недвижно застыли приоткрытыми на пару секунд, — не в силах изгнать из своих дум тень Гротескного Гроссмейстера даже во время приёма ванной? Левая её рука скользит неспешно по атласной груди, другая рука оказывается тем временем меж жарких бёдер... с уст аристократичной барышни слетает бесстыжий стон? Максим прикусил губу. Хотя и понимая, что это полнейший бред, девушки, в отличие от парней, не склонны фантазировать каждую третью секунду на сексуальные темы, у них в жизни удивительное количество сторонних дел и забот, он всё же не мог развеять в воображении лик обнажённой Жизели. — Представь себе это, — мягко выдохнула Лекки. — Представь её... нагую... ласкающую себя в ванной, смотрящую тебе прямо в глаза. Опусти руку... под стол... Вся обстановка вокруг снова расплылась, словно тая в тумане. Лишь голос Лекки, поигрывающий интонациями, лишь её лицо напротив. Весь полыхая, Максим — или гротескный гроссмейстер Гвестарио? — проскользнул еле слушающейся, будто онемевшей частично рукой ниже поверхности столика. Пальцы его коснулись бугра на вздутой материи брюк. — Тебе же нравится это, правда, — доносился словно издалека вкрадчиво-коварный голос, — делать это как бы под взглядом Жизели, представлять себе, как она строго-удивлённо рассматривает тебя. «Заниматься этим прямо в кафе, думая обо мне?

Ай-яй-яй, как не стыдно!» Рука Максима совершила несколько резких движений, он застонал сквозь зубы. Застонал — и от звука этого словно на мгновенье пришёл в себя. Взгляд его снова коснулся округи, число посетителей кафе не прибавилось, курчавая девушка у дальнего столика по-прежнему не отводила глаз от лазаньи. Как ни старался, Максим не мог различить выражение её лица. Отвращение? Неприязнь? — По-моему, нашего Великого и Таинственного Гроссмейстера смущает мимолётная зрительница, — усмехнулась краем рта собеседница. В глазах её снова мелькнуло ехидство — почти как в первые минуты разговора, когда он ещё только присел за облюбованный ею столик. — А что, если нам, симметрии ради, попробовать смутить её? Лекки наклонилась ближе, облизнув в очередной раз губы. Краем глаза он заметил айфон в её руке, выскользнувший на миг из-под поверхности столика, — получается, она продолжает снимать его действия, то выше уровня стола, то ниже? — и ощутил почему-то пару новых сводящих с ума толчков в собственных брюках. — Поласкай себя… не спеша. Тебя ведь заводит это, делать это у незнакомой девушки на глазах, даже у двух, включая невольную соучастницу… — Голос Лекки стал как никогда сладок и медленен, а движения пальцев Максима вопреки сказанному ускорились. — Скажи мне, когда ты будешь… у порога, у финиша, у предела… когда ты не сможешь больше терпеть, когда ты готов будешь извергнуться в брюки… я хочу, чтобы ты сказал это. Колени Макса опять бессильно дёрнулись, в его пересохшем горле родился очередной стон. В давным-давно пересохшем? — Уж-же, — не останавливаясь, глухо выдавил он. Что он в данную минуту творит? Чем занимается? Лекки, глядя на него, слегка наклонила голову. — Вот как? — протянула она. Взгляд её почему-то стрельнул в сторону курчавой девушки, на которую сам Максим не решался уже кинуть взор. — Иными словами, гротескный гроссмейстер Гвестарио уже у самого края? Он сжал зубы. — Д-да… Максим дышал тяжело и часто, еле удерживаясь от пересечения опасной черты. Если бы его спросили сейчас, что останавливает его на пороге, он бы не знал, что ответить. Страх перед наказанием? — Тогда, — проговорила негромко Лекки, пригубив немного коктейля из забытого было бокала, — встань прямо сейчас из-за столика и подойди к ней. Коленки собеседницы под столом сжали бедро Максима. — Спусти перед нею брюки… и бельё, если, конечно, носишь последнее. Скажи, что хочешь приправить её лазанью… и, опытными движеньями повара, сбрызни её тарелку своим сладковато-молочным соусом. — Ты с ума сошла, — глухо простонал он. Жаркие толчки в его брюках стали уже непереносимы, стали физически нестерпимыми. — Я сошла с ума? Огонь в глазах Лекки разгорелся ярче. — Посмотрим, что скажет Айна, что скажут Розен и Жиз… кого они сочтут сошедшим с ума, когда увидят знакомого им джентльмена, блогового интеллектуала… терзающим рукою под столиком кафе свою плоть, исповедующимся в грязных фантазиях обо всех своих сетевых френдессах… Голос её стал мягче и тише, айфон она вновь развернула лицевой стороной к нему. — Одно движение пальцем — и аттач с видео ляжет письмом в электронные ящики трёх твоих закадычных подружек. Пока только трёх — оставшиеся, увы, не выложили в открытый доступ свои адреса. Правая её рука обхватила айфон поверх уже сжимающей устройство левой, пресекая попытку выхватить хранилище компромата. — Ну так что? — Голос Лекки, кажется, сделался ещё вкрадчивей. Максим, пошатываясь, встал. Его затравленный взгляд метнулся из стороны в сторону, вновь убеждаясь в практической безлюдности интерьера. Ему показалось, или на миг та девушка с дальнего столика остановила взор на нём, на его оттопыренных брюках, но тут же вернулась безраздельно к поглощению кусочков лазаньи? Едва не споткнувшись, он совершил на еле

слушающихся ногах несколько шагов вперёд к столику курчавой посетительницы. И — давя желание оглянуться — ещё несколько шагов. ~ — Здр-равствуйте. Девушка с курчавыми волосами удивлённо вскинула на него взгляд. Максиму показалось, что кроме удивления в её глазах мелькнула и странная радость, но он тут же отогнал это впечатление как ни с чем не согласующееся. И мысленно обругал себя: зачем вообще поздоровался с ней? О чём с нею говорить? — Здравствуйте. Брови посетительницы кафе слегка приподнялись. Взор её будто бы вновь ненадолго застыл на его оттопыренных брюках, отчего Максима стрельнуло непрошеной вспышкой жара. — Вам что-то нужно? — кашлянув деликатно в ладонь, поинтересовалась она. Ему было что-то от неё нужно? — Эм-м... да. — Он вдруг вспомнил подсказанный Лекки текст. — Лазанья. Вам не требуется чем-нибудь приправить её? — Зачем? — Брови девушки взлетели ещё выше. Руки парня двинулись было к брюкам, но застыли на полпути. Всё это вдруг показалось ему кошмарным сном, бредовым кошмарным сном из тех, которые стараешься забыть по пробуждении. Что это он собирается сейчас — в заведении общественного питания, на глазах у абсолютно незнакомой девушки, — предпринять? Не удержавшись, он оглянулся. Он ждал, что Лекки будет строго смотреть на него, хмуриться, подавать знаки, нетерпеливо постукивать по айфону пальцем — что позволит ему так или иначе взвесить чаши весов, определившись внутри себя с выбором. Чего он не ожидал, так это увиденного им в действительности? Она у л ы б а л а с ь. Правая её рука продолжала сжимать айфон, кажется, направленный тылом к Максиму, хотя сейчас он не мог уделить этому большого внимания, будучи отвлечён позой и выражением лица Лекки в целом. Она сидела, полуоткинувшись на спинку стула назад, личико её выражало грань экстатического блаженства, а левая её рука была полуукрыта скатертью столика и слегка поглаживала колено. Колено? — он не поверил своим глазам — ладонь её под взглядом Максима скользнула под купол платья едва ли не полностью, размеренно смещаясь под тканью. Что это она делает там? Словно уловив его мысль, Лекки улыбнулась шире. Ножки её повернулись коленками прямо к Максиму, чуть-чуть раздвинувшись, приоткрыв отсутствие белья... Жар, и без того атаковавший в последние минуты Максимову плоть, свёл всё его тело в приступе странной судороги. Развернувшись обратно ко всё ещё сверлящей его шокированным взором незнакомке, он рванул за резинку ворот собственных брюк. Сбросив их вместе с бельём, стиснув зубы почти до боли, он вцепился пальцами в своё разгорячённое естество. — Л-л-лекки, — сорвалось неведомо почему с его уст. Незнакомка, беззвучно ахнувшая и прикрывшая рот рукой, последовательно сменила в глазах целый ряд выражений. Разочарование? Отвращение? Злость? Сжав изо всех своих сил пальцы, чувствуя, что рискует иначе взорваться в окрошку и расплескать по округе последние капли никчёмного серого вещества, Гротескный Гроссмейстер Гвестарио запрокинул голову назад. Пред внутренним его зрением продолжал стоять лик Лекки — эйфорически улыбающейся, чуть расставившей ножки, ласкающей себя промеж них. Рот его приоткрылся... В следующее мгновенье произошло сразу несколько мешающих друг другу событий:

— всплеск безумного наслаждения, неестественно-тошнотворного, сплавивший воедино время с пространством и отчасти способствовавший тому, что в уме Макса все эти факты как бы переплелись;

— хлюпающие липкие звуки, свидетельствующие о том, что как минимум часть молочно-белого эликсира точки своего назначения достигла

— Макса огрели по голове сумочкой, причём довольно болезненно. ~ Лекки хохотала как сумасшедшая. — Ты бы видел в этот момент её лицо! Её взгляд!.. — Она почти застонала от смеха, закрыв ладонью глаза. — Такое крушение внутреннего мира, полный переворот всех его основ... Я никогда не забуду этого. Она полураскачивалась на садовой скамейке, никак не в силах прийти в себя. Сексуальное возбуждение — настоящее или лишь разыгранное ею? — ушло, уступив место припадку гомерического веселья. Максим угрюмо сидел на краешке скамейки рядом, гадая внутри, не стоит ли ему сейчас попытаться скрутить Лекки и отобрать у неё телефон. Но как минимум часть компромата находится у неё на компьютере? Кроме того, он и сам никак не мог отойти от случившегося. — Я записала это на видео, — вспоминала Лекки, полуприкрыв глаза. — Каждое действие, каждый шаг. Когда эта бедняжка забудет, каков её кумир, всегда можно будет поддразнить её этой записью вновь. Она хихикнула в рукав, Максим же, и так чувствовавший внутри себя ледяную сосущую пустоту после бегства из кафе, ощутил, как в нём что-то сжимается. — Э... она?.. — Я не сказала? — Глаза собеседницы блеснули. — Та самая сестричка, почти однояйцевая. Я попросила её слегка сменить причёску и набор косметики, чтобы ты не догадался. Он прикусил губу, вспоминая радость, полыхнувшую поначалу на лице посетительницы кафе, радость, показавшуюся ему неестественной. Косметика и укладка волос? Странно, девушка за столиком показалась ему столь несхожей с Лекки, что даже в потёмках он едва ли бы спутал их. — Конечно, я не сказала ей: «Крошка, сейчас к тебе подойдёт гротескный гроссмейстер Гвестарио, которого ты узнаешь, он недавно поставил свою физиономию на аватар в блоге и он кончит тебе прямо в лазанью». — Лекки снова хихикнула, качнув обнажённым коленом. — Я просто попросила её посидеть поодаль за столиком, сказав, что раскрою ей кое-что необычное. И сюрприз удался на отличненько? — Ты извращенка, — глухо произнёс он, почти не слыша себя. Глаза её снова блеснули — уже с открытой насмешкой. — И это говорит парень, который, судя по собственным признаниям, почти что не вынимал из штанов руку при просмотре фотоальбомов своих френдесс? Который в переписке с бедняжкой Лекки сознался в желании полапать её за грудь, опустить силой её на колени и кончить ей в ротик прямо на детской площадке на виду у всех? Она слегка наклонила голову, меж губ её скользнул язычок. Максим поймал себя на том, что невольно затаил дыхание. Что, если она... — Тебе ведь нравится, — размеренно проговорила Лекки, не сводя с Максима прищуренных глаз, — заниматься этим, разглядывая привлекательных девушек. Мечтая о них. Представляя в фантазиях, что и как сделал бы с ними. Сказав это, она медленно облизнулась. Рука её вновь коснулась колена, с подчеркнутой неторопливостью, пальцы слегка потеребили кожу рядом с соседней коленкой. — Не так ли? Максим, следя помимо воли за её рукой, поднимающейся вверх к бёдрам, ощутил, как его начинает пронимать, пронимать снова, несмотря на недавнюю неимоверную вспышку экстаза. Быть может, потому что та вспышка в кафе была слишком суматошной и нервной? Ему уже доводилось замечать, что организм в таких случаях иногда словно специально оставляет запаску на второй раз, задел на продолжение. — Тебе нравятся мои колени, — невинным медовым голосом, как если бы речь шла о погоде, проговорила Лекки. — И мои бёдра. Ладонь её чуть изогнулась крючком, проникая меж слегка расставленных ножек под

взглядом Максима. Под взглядом, который тот, как ни тщился, не в состоянии был отвести. — Ты часто делаешь это, любуясь бёдрами девушек на фотографиях в Интернете? — Она улыбнулась, изучая его лицо. — Я знаю, часто. — Я… н-не стану произносить это вслух, — выдавил вдруг Максим. И смолк, сам удивившись вспышке своей решимости. С одной стороны, всё правильно: сколько можно попадать в одну и ту же ловушку? Ещё не хватало, чтобы к коллекции её записей добавилось «Мне нравится делать это, любуясь бёдрами девушек на сетевых фотографиях», произнесённое хриплым Максимовым тоном. С другой стороны, если она прикажет ему сказать это, грозя уже собранным компроматом, — выбора, так или иначе, не будет. Но Лекки лишь улыбнулась: — И не надо. Просто… поиграй с собой. Прямо тут и сейчас. Тебе ведь хочется? На губах её продолжала играть солнечная улыбка, айфона нигде рядом с ней не было видно, а скользящая вверх по бедру рука как будто дошла до самого края платья. — Я хочу увидеть скрытую сторону гроссмейстера Гвестарио, — проговорила девушка. Губки её, только что увлажнённые язычком, чуть приоткрылись, а бёдра раздвинулись шире, предлагая к обзору доселе прикрытое платьем. — Увидеть всю его похоть… старательно утаиваемую им доныне от френдов. Теперь блестели не только её глаза, но и губы. — Ну же. Парк, насколько мог видеть Максим, был безлюден, хотя в любой момент из-за живой изгороди мог кто-нибудь вырулить. Презирая себя, но чувствуя в то же время странное мазохистское наслаждение, он провёл на её глазах по собственным брюкам рукой. Ощущая внутри себя зыбкую помесь сонного опьянения и сладкой истомы, вспыхивающей всё сильнее под взглядом собеседницы, с каждым новым ироничным взмахом её ресниц. В кафе почему-то это не ощущалось столь остро — быть может, потому что часть его ума памятовала о возможных зрителях, а другая часть была отвлечена разговором о тенях прошлого? — Я знала, что тебе это понравится, — произнесла негромко Лекки. Она неотрывно следила за выражением лица Максима, за движениями его руки. — Тебе ведь нравилось это ещё там, не правда ли? Он застонал невольно сквозь зубы, вспомнив ту вспышку извращённого наслаждения на глазах у обеих сестёр, ту вспышку, увенчавшуюся извержением прямо в тарелку. Лекки с довольным видом рассмеялась. Тут же, впрочем, приглушив смех, поскольку мимо скамейки продефилировала чья-то семья с детской коляской. Женщина почти средних лет, хотя ещё сохранившая следы былой красоты, сопровождаемая, вероятно, дочерью — кем ещё могла приходиться ей эта юная златовласка? — Симпатичные ножки? — усмехнулась вполголоса собеседница, глядя на Макса, отдёрнувшего смущённо руку от брюк ещё при первых звуках приближения посторонних, перехватив его взгляд, пущенный вдогонку платиновой блонди. — Тоже, наверное, так бы и любовался ими, играя с собою? Он сглотнул ставшую вязкой слюну, с трудом оторвав взор от нимфы в коротенькой юбочке. Кажется, семейство не собиралось никуда уходить, остановив свою коляску у скамейки напротив метрах в двадцати от Максима с Лекки. — Ну… ничего так. Выдавив это, Максим закусил губу и покраснел, испытав дурацкое чувство, что подыгрывает Лекки в её троллинге. Ему вообще не хотелось ничего отвечать ей, но он поймал себя на том, что и так слишком много молчит? — Так сделай же это, — медоточиво предложила собеседница. Веки её были полуопущены. — Не надо стесняться. Ты же этого хочешь. — Ты… Он осёкся, ощущая, что повторяется. — Сошла с ума? — деликатно подсказала Лекки. Её ресницы дрогнули. — По-моему, мы уже проходили это. Не заставляй меня напоминать тебе. Пальцы её скользнули в карман, открыв обозрению верх эмалированного айфонного корпуса. И щекотнули игриво пластмассу. — Но… На губах собеседницы молнией блеснула улыбка: —

Я покину тебя минут на десять, чтобы не слишком смущать. Буду наблюдать за тобою из кустиков неподалёку. Ты можешь действовать втихаря, но задачей твоей является, — кажется, Лекки сама сглотнула слюну? — успеть за эти минуты получить предельное удовольствие, любуясь девочкой напротив. Имей в виду, я проверю потом состояние твоих брюк. Вытянувшись вперёд, она понизила тон до шёпота, глаза её сверкнули: — Надо же как-то наказать тебя за внимание к чужим ножкам?..